

Предисловие

Для большинства граждан главная проблема в ознакомлении с историей, в том числе родной, состоит в том, что основная часть населения первый и последний раз изучает историю в школе. Уроки истории — это очень специфический жанр среди всех предметов школьной программы. Если освоение математики, русского языка, физики и так далее строится по принципу «от простого к сложному», имея шанс осесть в голове в виде некой матрицы, с историей все иначе.

На уроках физкультуры нас учат для начала строиться по росту, выполнять простейшие упражнения, постепенно развивая ловкость, координацию движений и силу, достаточные для покорения новых, более сложных элементов легкой атлетики, спортивных игр. Язык для начала преподается в виде азбуки. Математика прежде всего знакомит с цифрами, счетом и начальными действиями арифметики: сложением, вычитанием, делением, умножением. Школьная же история объективно не в состоянии знакомить ученика с «азбукой истории».

Школа вынуждена давать историю в порядке хронологии: от Древнего мира в 6 классе до новейшей истории в 11-м. Неужели неолит или античные полисы изучать проще, чем перипетии Первой мировой войны и Октябрьской революции? Очевидно, что нет. Помимо этого, ученик натывается на банальную проблему памяти: прочитанное в 6 классе неизбежно запоминается несколько хуже прочитанного в 11-м.

В итоге вынужденного хронологического подхода гражданин, не имеющий профильного образования или не положивший массу сил на самостоятельную подготовку, воспринимает историческое полотно как калейдоскоп, с угасающими в дали веков вспышками полузабытых фактов и мнений.

И дело не в том, что каждый, кто пытался разобраться в истории Древней Руси, неизбежно сталкивался с чувством недоумения и массой вопросов. «Откуда есть пошла русская земля»? Кто такие были русы и варяги? Когда был основан Киев? Как на самом деле призвали Рюрика и почему Русь воевала с Византией?

Всё это частности.

Тогда как история состоит не из частных — это непрерывный диалектический процесс, составленный из сложнейших взаимосвязей экономики, материальной и духовной культуры, политики во всех ее проявлениях. И так вплоть до рационов питания, привычек людей, их «карты страхов и предпочтений» — всего того, что принято называть «микроисторией».

Посему в истории нет ничего неважного. Как метафорически заявлял герой фильма Ридли Скотта «Гладиатор», «все, что мы сделаем сегодня, отзовется эхом в вечности». И это так.

Кто бы мог подумать в древней Месопотамии, что их шестидесятиричная система счисления переживет цивилизацию Междуречья на 4000 лет и будет использоваться на постоянной основе в XXI веке? Думал ли царь Хаммурапи в XVIII столетии до н. э., что крайне неочевидная в его время идея кодификации законов станет обязательной во всех странах мира? Мог ли предположить безвестный средневековый оружейник, догадавшийся придумать стремя к арбалету, что запущенная им гонка вооружений всего через 900 лет приведет к созданию термоядерного оружия? Догадывались ли древние индоевропейцы, что их слово «медос» — мед, будет звучать тогда, когда сама их прародина превратится в легенду?

Очевидно, что нет.

Однако именно взаимосвязи от мельчайших изменений в языке до колоссальных экономических процессов и составляют единое полотно Истории.

Разобраться в этом применительно к средневековой истории Руси призвана эта книга и соответствующий цикл бесед, выложенный на ресурсе opet.ru.

Если применить вышесказанное к родному Отечеству, надо отметить, что история – наука точная и объективная. И одновременно – крайне редко способная вскрыть все подробности прошлого со стопроцентной достоверностью. Чем дальше отстоят изучаемые события, тем больше историк вынужден закрывать лакуны невозможного вместо расставления мозаики твердо установленных фактов. Скудость источниковедческой (в первую очередь, письменной) базы русского Средневековья часто заставляет говорить: так быть не могло, а вот так было с большой долей вероятности.

Многие вещи исчезли из людской памяти навсегда, без надежд найти их следы. И огромной ошибкой историка является утверждение: я точно знаю, как было.

Невозможно в деталях установить события и процессы, остоящие от нас на 1000 лет, оставившие по себе единственную летопись, не считая сотен тысяч археологических находок – абсолютно немых в плане человеческого нарратива.

Но если ничего не понятно, ничего досконально не известно, для чего вообще возится с этим ранним Средневековьем, с Ярославом Мудрым, Святославами и Владимиром, которые давным-давно умерли? Делать это нужно по одной простой причине – именно в это время формируется Древнерусское государство, которое образовало некую матрицу, просуществовавшую

тысячелетие после того, как ее основа была заложена при Владимире Святом и Ярославе Мудром.

Те события, которые творились в X—XI веке, имеют очень долгое историческое эхо. Потому что именно в это время (конкретно в XI веке) была законодательно закреплена система, которая привела впоследствии к феодальной раздробленности Руси, к консервации довольно примитивных форм феодализма, имевших у нас место. Что привело в свою очередь в XV—XVI веках к борьбе со старой аристократией и формированию нового служивого дворянства, помещиков как нового сословия. А жизнедеятельность и формирование этих самых новых помещиков отразилась на всей истории Российского государства, от декабристов до Февральской революции.

То есть, когда мы говорим о Ярославе Мудром, нужно понимать, что пусть не прямое, а опосредованное эхо его дел дожило до 1917 года. И когда мы говорим об истории 1917 года, нужно понимать, что началось все тогда — в XI веке. Потому что история — это не ушедшее навсегда прошлое.

История — это процесс становления настоящего.

И каждая минувшая секунда уже становится историей.

Дмитрий Goblin Пучков